

Часть вторая ТРАДИЦИОННЫЙ ВЬЕТНАМ

А.Л. Федорин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЬЕТНАМО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В X—XI ВВ.

Период воссоздания и становления в новых условиях вьетнамской государственности, который пришелся на X—XI в., всегда пользовался самым пристальным вниманием со стороны вьетнамских и иностранных историков и по степени освещенности и проработанности занимает одно из первых мест среди прочих исторических этапов, несмотря даже на крайне малое количество информации о тех временах, которое удается извлечь из вьетнамских и китайских источников. Достаточно сказать, что эта тема была одной из основных в творчестве таких корифеев вьетнамской исторической мысли, как Дао Зуи Ань, Хоанг Суан Хан, Фан Хуи Ле, Чан Куок Вьонг. Дискуссии по основополагающим вопросам, связанным с проблемами правления династий Нго, Динь, Ранние Ле и Поздние Ли, продолжают, находя свое отражение в выступлениях на многочисленных конференциях и семинарах по данной проблематике, а также на страницах специальных сборников статей и докладов. В России историей Вьетнама X—XI вв. активно и плодотворно занимались и занимаются сразу несколько ведущих истори-

ков-востоковедов, включая одного из основоположников российской вьетнамистики Д.В. Деопика, а также К.Ю. Леонова, А.В. Никитина, П.В. Познера, А.Б. Полякова, М.Ю. Ульянова. За это время было опубликовано немало фундаментальных основополагающих работ по этой теме, сложились вполне устойчивые представления о процессах, происходивших на вьетских территориях в те годы. Большинство выводов, сделанных указанными авторами, нашли свое подтверждение в ходе перевода и комментирования I—IV глав Основных анналов «Полного собрания исторических записок Дайвьета», которые будут представлены в готовящемся к печати III томе перевода этой летописи. В то же время в ходе работы удалось выявить и ряд новых исторических фактов, позволяющих по-иному взглянуть на некоторые процессы, происходившие во вьетнамо-китайских отношениях в то время. То новое, что, как мне кажется, удалось обрести в процессе работы над переводом и комментариями к этим главам, я и попытаюсь изложить в предлагаемом вашему вниманию докладе.

* * *

Восстановление вьетнамской государственности по времени совпало и, во многом было обусловлено крушением централизованной династии Тан (618—907) и очередным периодом смут и раздробленности в Китае, известном в истории как «Эпоха пяти династий» (907—960). Находившиеся на самом краю империи вьетские земли первыми ощутили на себе вакуум власти. После смерти последнего, собственно китайского генерал-губернатора-*цзедуши* Аннама Дугу Суня, в 905 г. власть без всяких восстаний и потрясений оказалась в руках местного уроженца (а таких на протяжении периода «Северной зависимости» среди губернаторов было немало) Кхук Тхья Зу, который, по всей вероятности, получил свою должность вполне официально. По меткому выражению вьетнамского историка Та Тьи Дай Чьонга, началась эпоха «императоров-помещиков»¹: при отсутствии китайских администраторов, присылаемых или назначаемых из центра, и поддерживающих их частей регулярной армии реаль-

ная власть в стране оказалась в руках местных «сильных домов», которые не имели формальных полномочий, но обладали вполне реальными возможностями осуществлять управление, правда, на относительно небольших территориях. Именно из этой категории лиц выходили будущие властители и императоры, именно ими были знаменитые 12 *шыкуанов* конца X в., именно с ними боролись власти вьетнамского государства за централизацию на протяжении X—XII вв. и именно они (в лице «сильного дома» Чан), в конце концов и «похоронили» династию Поздние Ли (1010—1225).

Судя по всему, дом Кхук не претендовал на создание собственного государства. Задачей его представителей было определить, какое из многочисленных царств, созданных на развалинах Танской империи признать своим сюзереном. Ближе всего к вьетским землям на территории современных китайских провинций Гуандун и Гуанси располагалось царство Южных Хань (905—971), по своему потенциалу ненамного превосходящее вьетов. Тем не менее, второй представитель дома Кхук — Кхук Хао (907—911) формально подчинился именно ему. Третий представитель дома Кхук — Кхук Тхья Ми (911—930) решил испросить бирку на управление не у Южных Хань, а у находившейся значительно дальше от его земель династии Поздняя Лян (907—923), совершенно справедливо полагая, что она даже физически не в состоянии оказывать влияние на его территории, и он сможет править так, как захочет, и передавать власть по наследству. Возмущенные этим соседями из царства Южных Хань, через некоторое время, свергли Кхук Тхья Ми и власть во вьетских землях вновь оказалась в руках губернатора, назначенного китайцами (Ли Цзинь, 930—931). Но этот период продолжался совсем недолго. Почувствовавшие на примере дома Кхук вкус власти и самостоятельности «императоры-помещики» очень скоро изгнали пришельцев и попытались сами закрепиться в столице. Впрочем, ни одному из них (Зыонг Динь Нге, 931—937; Киеу Конг Тиен, 937—938) не удавалось это сделать, в первую очередь, в силу узости базы внутри страны, на которую они могли опереться. В определенной степени с этим справился их преемник, также «император-помещик» Нго Куен (939—944),

чей авторитет был подкреплен блестящей победой над Южными Хань в начале 939 г. Новый правитель решил не ограничивать себя статусом простого губернатора и пошел на создание собственного государства и династии, провозгласив себя правителем-*вьяонгом*. Именно с этого момента принято считать законченной «Эпоху северной зависимости» и начинать отсчет существования возрожденного самостоятельного вьетнамского государства.

Но период относительной централизации был недолог. После смерти Нго Куена в 944 г. страна вновь оказалась в ситуации феодальной раздробленности, апофеозом которой стала эпоха 12 *шыкуанов* (965—967). Уже феодальные вьетнамские историографы признавали, что описание в хрониках правлений преемников Нго Куена — Зыонг Там Кха (944—950), Нго Сьонг Вана (950—965), Нго Сьонг Нгапа (951—954) и особенно Нго Сьонг Си (965—967), — как правителей единой страны, есть ни что иное, как чисто идеологическая попытка конфуцианцев-националистов позднего времени искусственно продемонстрировать непрерывность «законной преемственности власти» во Вьетнаме уже начиная с дома Нго.

Период относительной децентрализации завершился в 968 г., когда к власти пришел еще один яркий представитель «императоров-помещиков» Динь Бо Линь (968—979).

При описании событий этого времени многие историки невольно исходят из той ситуации, которая сложилась во вьетнамо-китайских отношениях значительно позднее, когда и существующая граница между странами стала вполне устоявшейся, и устремления сторон были более понятными и объяснимыми. Между тем в конце X в. никакой ясности в этих вопросах еще не было. При этом речь идет не только о китайских династиях, которые и слышать не хотели о Вьетнаме как о самостоятельном государстве, но, как это ни парадоксально, и о вьетнамских правителях, для которых единственным реальным примером независимого вьетского государства был Намвьет Чиену Да со столицей в Гуанчжоу. Его основу составляли земли родственных вьетам народов, где и в X в. процент собственно ханьского населения был относительно невысоким. И те, и другие рассматри-

вали сложившуюся ситуацию, как временную, и всячески пытались переломить ее в свою сторону.

Во времена Нго Куена отношений с китайскими государствами не было. В 954 г. Нго Сыонг Ван вновь признал над собой суверенитет Южных Хань, отправив к ним послов и приняв от них должности генерал-губернатора и наместника-духу, но это было действительно чисто формальное признание, поскольку он даже не допустил приезда на свою территорию посла из Гуанчжоу. В дальнейшем, отношения с северными соседями прервались в силу сложной ситуации и ожесточенных междоусобных войн в самом Китае. Такое положение, по-видимому, вьетнамскую сторону вполне устраивало, и первые свои решения в качестве руководителя новой страны Динь Бо Линь принимал исходя именно из него. Он не стал называть себя *вьонгом* и уж тем более принимать чиновничьи должности от китайцев, но провозгласил себя императором, ввел свою эру правления и, таким образом, открыто заявил о своих претензиях на положение и полномочия, которые много лет назад были у Чиеу Да. Но конъюнктура складывалась для него крайне неблагоприятно. В 60-х годах X века в истории Китая начался новый цикл: к власти пришла династия Сун (960—1279), объединившая под своим руководством большую часть огромной страны. В 971 г. Сунам удалось присоединить территорию Южных Хань, и их войска вышли непосредственно к вьетнамским границам. Динь Бо Линь был поставлен перед дилеммой: либо попытаться счастья в открытом бою с победоносной армией Сунов, недавно разгромивших и более сильных противников, либо попытаться найти компромисс. Он выбрал второе. О предварительных переговорах между сторонами ни вьетнамские, ни китайские источники не пишут. Но они, безусловно, были. И перед вьетнамским правителем были поставлены достаточно жесткие условия: признать себя пусть и наследственным, но лишь удельным правителем, принять от китайцев соответствующие титулы и должности и, что для него было самым тяжелым и унижительным, лично явиться в сунскую столицу и предстать перед императором. При этом и данный вариант Суны, очевидно, рассматривали как промежуточный, но у них возникли серьезные проблемы на северных границах, и вес-

ти сразу несколько больших войн они сочли для себя опасным. Поэтому, проблему возвращения Вьетнама в статус простой провинции было решено отложить на потом.

Динь Бо Линь был вынужден принять условия китайцев. Чтобы самому не покинуть страну, он в 971 г. формально передал всю свою власть старшему сыну Динь Лиену, провозгласив его правителем-*вьонгом* удельной территории Намвьет², а себя Верховным правителем (т. е. правителем, при жизни отказавшимся от власти в пользу наследника). В конце 972 г. Динь Лиен во главе посольства убыл в сунскую столицу, где его очень тепло приняли. Он и его отец получили самые высокие должности и звания, которые были положены удельным князьям, при этом должности с реальными полномочиями (генерал-губернатор, наместник) получил именно Динь Лиен, а его отцу достался лишь сакральный титул (Зяотьи-*куанвьонг*). В дальнейшем Суны вели переписку и отправляли посольства только к Динь Лиену, рассматривая его как единственного правителя страны.

Так или иначе, но отношения с опасными соседями удалось урегулировать, и можно было сосредоточить силы на консолидации страны. Динь Бо Линь, по-прежнему, оставался единственным и полноправным правителем, распорядившись всем. В 978 г. он назначил своим наследником младшего сына Динь Ханг Ланга. За этим решением, по-видимому, стояло нежелание передавать власть лицу (Динь Лиену), скомпрометировавшему себя, пусть и не по собственной воле, визитом в Китай в качестве подданного Сунов. Динь Лиен оказался этим крайне недоволен и организовал покушение, в результате которого Динь Ханг Ланг был убит (979 г.), но сам никакого наказания за это не понес.

В том же году и Динь Бо Линь, и Динь Лиен были убиты при довольно странных обстоятельствах собственным приближенным, что продемонстрировало всем, как далеко было двору новоявленных правителей до двора подлинных императоров в плане организации своей деятельности, включая безопасность. Все хроники подчеркивают, что смерть двух высших должностных лиц государства была случайной и связана с навязчивой идеей одержимого человека из челяди, что мало похоже на

правду. Впрочем, кто реально стоял за этим убийством, установить за давностью лет все равно не удастся.

Окружение погибшего правителя в сложившейся ситуации повело себя, как и положено «императорам-помещикам», немедленно вступив в ожесточенную борьбу за власть. Победителем из нее вышел командующий войсками Ле Хоан, во многом благодаря содействию и поддержке жены покойного императора, которая вскоре стала женой самого Ле Хоана³.

Формально, власть в стране перешла к младшему сыну Динь Бо Линя — *Вэ-вюнга* Динь Тоану, которому едва исполнилось 5 лет. Отбирать власть у него никто не собирался: положение признанного регента при малолетнем правителе, к тому же тесно связанного с Верховной императрицей (императрицей-матерью), Ле Хоана вполне устраивало и полностью развязывало ему руки. Однако тут в ситуацию вмешались Суны, которые к тому времени стабилизировали положение на своих северных границах и сочли, что складывается вполне подходящий момент для решения вьетнамской проблемы, которое они ранее отложили. И вьетнамские, и китайские источники при объяснении причин, вызвавших острый двусторонний конфликт, основной упор делают на том, что китайцы были недовольны отстранением от власти молодого правителя, который якобы был помещен в отдельный дворец и содержался там как обыкновенный заключенный. Но подлинную причину мы находим в посланиях Сунов с угрозами: основное их требование сводилось к тому, чтобы либо Динь Тоан вместе со своей матерью, либо сам Ле Хоан немедленно выехали бы в Китай для аудиенции у сунского императора (и таким образом подтвердили свой статус простого удельного князя). Вернуться во Вьетнам Динь Тоан мог уже в сопровождении китайских войск, что во многом упростило бы для Сунов решение стоявшей задачи. Допустить этого Ле Хоан не захотел, поэтому решился пойти на открытый конфликт, несмотря на непредсказуемость его результатов. Чтобы больше не возвращаться к вопросу о власти, накануне выхода вьетнамских войск в поход, его провозгласили императором, причем совершенно очевидно, что сделано это было тогда, когда конфликт с Сунами уже никакими способами погасить было нельзя: сун-

ские армии подошли к границам страны. Динь Тоан, вновь пониженный до *Вэ-вюнга*, при этом физически не пострадал. Он дожил до 27 лет и погиб (правда, весьма уместно сразу после кончины своей матери в 1000 г.) во время похода против горцев.

К счастью для Вьетнама, поход сунских войск в 980 г. окончился их бесславным поражением и отступлением. Задачу покорения южных земель Сунам вновь пришлось отложить до лучших времен. Ле Хоан не стал испытывать судьбу, и немедленно отправил свое посольство с предложением о мире. С учетом достигнутой победы ему удалось не только добиться признания себя в качестве правителя, но и повысить свой статус: оставаясь удельным князем, как и правители дома Динь, и получая примерно те же должности и титулы, он добился снятия требования о непременно выезде в сунскую столицу. Теперь такой выезд должен был совершить наследник престола. Это требование было более приемлемым. К тому же, как оказалось, послом можно было отправить просто одного из сыновей, а не обязательно наследника. В 1004 г. такой визит к Сунам совершил младший сын Ле Хоана — Ле Минь Дэ.

В ходе регулярного обмена посольствами Ле Хоан к 994 г. добился полного урегулирования отношений с Сунами и их восстановления на прежнем высоком уровне. Тем не менее, он явно не считал выполненными все задачи, которые стояли перед ним, как правителем Намвьета, наследника того Намвьета, которым управлял Чиеу Да. Осуществить прямой захват прежних территорий было нереально, поэтому основное внимание было уделено налаживанию отношений с горными народами, живущими в пограничных между двумя странами районах, чтобы попытаться с их помощью добиться своих целей. По данным китайских источников, в конце X — начале XI в. со стороны Вьетнама было совершено несколько серьезных и крупномасштабных провокаций, направленных в первую очередь против проживавшего здесь немногочисленного собственно ханьского населения, чиновников и казенных учреждений. Суны не стали отвечать на это аналогичными действиями, но направили к Ле Хоану посольство во главе Ли Жочжо, который в завуалированной форме жестко предостерег вьетнамского правителя от по-

вторения подобных действий, что, судя по дальнейшим событиям, возымело свое действие.

После смерти Ле Хоана в 1005 г. страна вновь, на некоторое время, погрузилась в хаос, главными действующими лицами в котором на этот раз были не «императоры-помещики», а сыновья Ле Хоана, опиравшиеся на свои уделы. Это свидетельствует о том, что в своем стремлении создать сильное централизованное государство, дом Ранние Ле продвинулся значительно дальше дома Динь. В результате многочисленных столкновений со своими братьями и убийства законного наследника Ле Лонг Вьета к власти пришел его родной (в том числе и по матери) младший брат Ле Лонг Динь — фигура чрезвычайно интересная и крайне противоречивая. Ле Лонг Динь (Ле Нгоа-чиеу) является одним из наиболее нелюбимых вьетнамскими летописцами исторических персонажей. Во всех текстах, в том числе и китайских, он характеризуется как жестокий садист и убийца, неадекватность которого, собственно говоря, и привела к падению дома Ранние Ле. Между тем объективный анализ информации, содержащейся как во вьетнамских, так и в китайских источниках показывает, что этот образ во многом возник именно благодаря усилиям средневековой вьетнамской историографии, всеми силами пытавшейся очернить этого императора, чтобы оправдать свержение его династии Ли Конг Уаном, не имевшим никаких иных легитимных прав на престол кроме как необходимость пресечь человеконенавистническую деятельность своего предшественника.

Между тем из информации источников следует, что Ле Лонг Динь был человеком активным и деятельным, со своей четкой программой и целями, которые он собирался достичь. Будущий император продемонстрировал свою решительность и твердую волю в ходе борьбы с братьями за престол. О целеустремленности и собственной позиции Ле Лонг Диня свидетельствует и его политика в отношении Сунов. Он четко выполнил предписанный ему ритуал, и немедленно отправил во главе посольства в Китай своего брата (якобы «наследника») Ле Минь Шыюнга с богатой данью. Суны оценили старания нового правителя, и пожалования ему далеко превзошли все то, что ранее предоставля-

лось вновь вступавшим на престол во Вьетнаме. Ле Лонг Динь даже получил от сунского императора новое личное имя — Тьи Чунг («Стремящийся к справедливости»), чему не было прецедентов ни до, ни после. Для этого правителя в Китае впервые специально изготовили печать и верительную бирку⁴. Судя по всему, новый император вел линию на всемерное укрепление и развитие отношений с Сунами, он добивался увеличения товарооборота между двумя странами путем открытия в этих целях новых рынков в Юнчжоу и не получил на это разрешение только из-за опасений Сунов по поводу дальнейшего усиления проникновения вьетнамцев и близких к ним горцев в южные районы Китая, стремление к которому продемонстрировал его отец. Чтобы подчеркнуть свое доброжелательное отношение к Сунам Ле Лонг Динь согласился жениться на китаянке, направленной ему через Ле Минь Шыюнга (очевидный аналог женитьбы Минь-выюнга из династии Чиеу на китаянке, что, в конце концов, и стало причиной крушения этой династии).

Явно доброжелательная политика, которую проводил новый император в отношении северного соседа, уберегла его страну от очередного конфликта с Китаем. По свидетельству китайских хроник, власти южных провинций Китая неоднократно призывали сунского императора Чжэнь-цзуна (997—1022) воспользоваться смутой во Вьетнаме и окончательно решить вопрос о его присоединении в качестве одной из провинций. И на решение Сунов не прибегать к этим мерам во многом повлияло быстрое и точное выполнение Ле Лонг Динем, после вступления на престол, всех положенных ритуалов в двусторонних отношениях.

После прихода к власти в 1009 г. Ли Конг Уана Суны, озабоченные множеством других проблем, этот факт решили проигнорировать, хотя поводов для вмешательства во внутренние дела страны было неизмеримо больше, чем, например, в 980 г., когда Ле Хоан никого не свергал и не собирался этого делать. Их вполне удовлетворило полное выполнение новым императором всех ритуалов, которые было положено произвести при переходе власти от одного правителя к другому, и он также получил все, что было ему положено. Не исключено, что благосклонное отношение к узурпатору было в определенной степени обусловлено ки-

тайскими корнями основателя новой династии. Статус правителя при этом не изменился: он по-прежнему числился у Сунов удельным князем, и якобы «наследника» своего он также отправлял послом⁵.

При его сыне и наследнике Ли Дык Тьине (Ли Тхай-тонг, прав. 1028—1054) отношения с сунским Китаем явно претерпевали вполне очевидные и серьезные изменения: правители Намвьета опять начали поглядывать на север, замышляя возврат к своим прежним границам. Началось это уже в первый год после его вступления на престол возобновлением уже порядком забытых провокаций на границе двух стран, не прекращавшихся все его правление. Но подобные действия к достижению заветных целей не приближали. Нужна была какая-то более значительная сила, чтобы кардинально изменить ситуацию. И она нашлась. В то время в пограничных с Китаем районах набрали силу племена нунгов, преодолевшие в своем социально-экономическом развитии определенный рубеж и стремящиеся к созданию своей собственной государственности. В 1038 г. их вождь Нунг Тон Фук провозгласил себя императором государства Чаншэн (Чыонгшинь) и недвусмысленно дал понять, что собирается расширить свои пределы за счет прилегающих к его землям равнинных территорий. Ли Тхай-тонг счел появление подобного образования на своих землях прямой угрозой, и уже в 1039 г. государство Чаншэн им было рагромлено, а его правитель вместе со старшим сыном отвезены в Тханглонг и казнены.

Источники об этом ничего не пишут, но, по-видимому, именно тогда созрел план попытаться решить проблему «северных территорий» путем направления туда армий нунгов, реализацию которого мы явно наблюдаем в политике Вьетнама все последующие годы. План был достаточно прост. Хотя по традиции, оставшейся еще от империи Тан, земли нунгов (Куангнгуен и сопредельные с ним территории) считались управляемыми Китаем на принципах *цзими*, реально все это время они подчинялись Вьетнаму. Если вдруг нунги захватили бы какие-либо китайские земли, и это признали сунские власти, то пределы Вьетнама автоматически расширились бы на север. Для реали-

зации этого замысла оставалось только натравить нунгов на Китай.

Когда в 1041 г. младший сын Нунг Тон Фука — Нунг Чи Као вернулся в Куангнгуен и, как и отец, провозгласил создание нового государства (на этот раз Дали, или Дайлить по-вьетнамски), а вьетнамцы его вновь разгромили, взяв в плен, то убивать его не стали. Более того, ему не только вернули все его земли, но и добавили новые. Скорее всего, это было сделано в обмен на обещание в дальнейшем сотрудничать — совершать нападения и пытаться захватить только китайские территории. Для закрепления отношений с нунгами в 1043 г. Нунг Чи Као был назначен на высокую должность *тхайбао* и получил от вьетнамцев печать удельного правителя. В 1044 г. он прибыл в Тханглонг на аудиенцию, видимо, чтобы выразить благодарность за назначение и окончательно согласовать планы совместных действий. И в 1048 г. Нунг Чи Као начал действовать: он захватил горную провинцию-*чжоу* Китая Аньдэ, присоединив ее к своим землям, и провозгласил создание государства Наньтянь (или, как во вьетнамских источниках, Данань), а также совершил первые набеги на равнинные районы Китая (Юнчжоу). Направленные на его подавление по просьбе Сунов вьетнамские войска почему-то на этот раз одолеть его не смогли (это по данным китайцев, авторы «Полного собрания исторических записок Дайвьета» в этом месте поместили красивую легенду о «громе небесном», поразившим вождя повстанцев).

Впрочем, полностью доверять Нунг Чи Као, отец которого был казнен вьетнамцами, им было нельзя. Добившись значительного укрепления своих позиций, он попытался вести двойную игру. Новоявленный правитель Наньтяня неожиданно направил послание сунским властям с предложением признать его независимым данником, по статусу равным правителю Намвьета. Если бы оно было принято, то Нунг Чи Као мог бы, не опасаясь за свои тылы, направить все свои силы против вьетнамцев. Но Суны понимали, что это было бы фактическим объявлением войны Вьетнаму, и отказали нунгам. И тогда в 1052 г. Нунг Чи Као совершил массированное нападение на территорию современных провинций Гуандун и Гуанси. Причем это

был не просто набег, это была откровенная попытка захвата новых земель, т. е. план, разработанный вьетнамцами ранее, начал осуществляться. Нунги перед походом сожгли свои города и поселения, чтобы не возник соблазн возвратиться, и сражались насмерть. Основной удар на себя приняли собственно ханьцы, чиновники, солдаты Поднебесной, которых нунги уничтожали безжалостно, освобождая себе территорию. Часть местного неханьского населения охотно присоединялась к нападавшим, и их силы быстро увеличивались. К ним в руки попали девять провинций-*чжоу* со всем населением. Апофеозом вторжения стал 57-дневный штурм Гуанчжоу. Осада не удалась, но разгром сунского юга продолжался еще долго. В разгар этих событий свою помощь войсками для подавления Нунг Чи Као предложили вьетнамцы. Сначала эту помощь приняли, но затем полководец Ди Цин, которому было поручено покончить с нунгами, настоял на том, чтобы вьетнамские войска, уже двинувшиеся к месту событий, повернули назад, справедливо рассудив, что еще не ясно, на чьей стороне они выступят, если события примут дурной оборот. В конце концов в начале 1053 г. Ди Цину удалось в решающем сражении разгромить войска Нунг Чи Као, сам он бежал и навсегда исчез из поля зрения историографов.

Если посмотреть на эти события глазами вьетнамцев, то они явились явным успехом их политики. Во-первых, ханьская колония в прилегающих к ним районах Китая была существенно уменьшена, во-вторых, они убедились, что при определенных условиях смогут привлечь на свою сторону коренное местное население, потомков племен, близких по происхождению к вьетнамцам. Так что надежда на возможное расширение своих территорий на север у них продолжала оставаться.

Наиболее значимые изменения в политике вьетнамского государства произошли во времена правления третьего императора династии Поздние Ли — Ли Нят Тона (Ли Тхань-тонг). В отличие от своих предшественников, он проводил целенаправленную и последовательную политику создания во Вьетнаме «настоящей» дальневосточной империи со всеми присущими ей атрибутами. При этом императоре страна наконец-то обрела Тхаймиеу (Храм предков императора), который впервые упомянут под 1069 г.,

и комплекс имперско-конфуцианских учреждений и ритуалов, включая то, что Нго Ши Лиен (?) назвал Храмом литературы⁶, конфуцианский университет — школу Сынов Отечества, систему государственных экзаменов на назначение на должность, название государства (а не удела, как раньше) — Дайвьет. Своего деда он провозгласил императором Ли Тхай-то, а отца — императором Ли Тхай-тонгом. По-видимому, все это окончательно оформилось в самом конце правления Ли Тхань-тонга, о чем свидетельствуют и китайские источники⁷. Дата введения названия Дайвьет во вьетнамских летописях (уже в 1054 г.) вызывает определенные сомнения.

В отношении с Сунами Ли Тхань-тонг придерживался откровенно жесткой линии, предпочитая не замечать их интересов и претензий, а, может быть, и специально провоцируя китайцев. Имперские атрибуты, главный раздражитель для северного соседа, вводились открыто и даже демонстративно, причем один за другим в короткий промежуток времени. Усилились провокации на границе, в некоторых из них активную роль играли собственно вьетнамские войска под командованием близких родственников императора. Об одном из таких вторжений (в 1059 г.) в сунскую провинцию Циньчжоу прямо говорится как о пробе сил накануне больших сражений. Впрочем, даже в этот сложный для двусторонних отношений период, регулярные обмены посольствами и предоставление Дайвьетом ритуальной дани Сунам не прекращались.

Об откровенном «обращении Зяотьи в империю» было доложено в сунскую столицу, где ведущую роль при дворе в то время играл активный и амбициозный Ван Аньши, который решил воспользоваться сложившейся ситуацией для аннексии вьетских земель. Немаловажную роль в этом его решении сыграла полученная им недостоверная информация о тяжелом поражении и катастрофических потерях, которое понесли вьетнамские войска во время похода на Чампу в 1069 г. (на самом деле все было наоборот). Ван Аньши прекрасно понимал, что лучший в данной ситуации способ решить вопрос — внезапное нападение-вряд ли удастся осуществить, поэтому принял решение провести тщательную и всестороннюю подготовку к вторжению, причем осу-

шестить ее силами именно южан, привычных к климатическим условиям, близким к вьетнамским. Был отдан указ о целенаправленном наборе соответствующих подразделений, проведении их тщательной военной подготовки, строительстве флота, подвозе запасов продовольствия и оружия. В целях предотвращения проникновения на территорию страны шпионов и лазутчиков, Ван Аньши запретил приграничную торговлю с Вьетнамом и закрыл немногочисленные рынки, специализирующиеся на этом, что вызвало особо резкую негативную реакцию у вьетнамцев.

Умерший в 1072 г. Ли Тхань-тонг не успел пожать плоды своей реформаторской деятельности. На престол вззошел его малолетний сын Ли Кан Дык (Ли Нян-тонг), и вся власть в стране перешла в руки его матери (бывшая супруга Илан) и ее ставленника — евнуха Ли Тхьонг Киета. Предстоящее нападение армий Сунов на Дайвьет было совершенно очевидным и неизбежным. Отразить на своей территории нашествие специально подготовленных войск, а не спонтанно набранной армии было тяжело, исход будущей компании виделся непредсказуемым. В этих условиях было принято решение нанести превентивный удар по противнику, попытаться уничтожить его базы и запасы и свергнуть в хаос южные провинции Китая — опору предполагаемого нападения. Кроме того, дальнейшее развитие событий показало, что вьетнамцы серьезно рассчитывали привлечь на свою сторону часть родственного им населения южных провинций, попытаться здесь закрепиться и лишь потом попросить мир и признание у Сунов, но уже в качестве удельного княжества с совершенно иной территорией, включающей и исконные земли древнего Намвьета.

В качестве традиционного союзника были привлечены войска нунгов, которыми командовал потомок Нунг Чи Као — Нунг Тонг Дан. В 1075 г. его силы вторглись на сунские земли через горные перевалы с юго-запада. Войска собственно вьетнамцев переправились через Южно-Китайское море и обрушились непосредственно на равнинные районы Циньчжоу и Ляньчжоу. Китайская администрация не смогла вовремя получить данные о готовящемся вторжении или не придавала им значения,

поэтому успех его был полным и всесторонним. Разгрому подверглись обширные районы южного Китая, и в первую очередь потенциальные базы для вторжения в Дайвьет — приграничные равнинные провинции Ляньчжоу, Циньчжоу и Юнчжоу, где были ликвидированы склады продовольствия, запасы вооружений, фортификационные сооружения и инфраструктура. Вьетнамцы всерьез рассчитывали на поддержку части местного населения, поэтому вели в захваченных районах активную пропагандистскую кампанию, явно задуманную и спланированную заранее. На оккупированных территориях повсеместно развешивались прокламации, в которых поход на юг оправдывался коварством китайских властей в пограничных районах, которые «прятали мятежников, бежавших из Дайвьета, и отказывались их выдавать», «тщательно пересчитали податных в горных долинах и селениях», открыто заявляя, что «готовятся к военным действиям».

Доставалось в этих прокламациях и сунским центральным властям. Накануне вторжения Ван Аньши провел реформы, заменив обязательную отработку трудовых повинностей фиксированным налогом, а также введя обязательные ссуды под будущий урожай только у государства (раньше их брали у частных ростовщиков, иногда под более низкий процент). Эти меры были весьма непопулярны у населения, и вьетнамцы заявили, что еще одной целью их прихода является отмена указанных реформ, «обрекающих на нищету простой народ»⁸. Таким образом, они недвусмысленно давали понять, что, если удастся, заботу об управлении захваченными землями они готовы взять на себя. Это, кстати, вызвало наиболее острую реакцию со стороны Ван Аньши и во многом обусловило решение императора Шэнь-цзуна (1067—1085) послать против Дайвьета основные силы, чтобы окончательно решить проблему этого государства, обратив его в одну из китайских провинций, как это было прежде.

Захват вьетнамцами южнокитайских территорий произошел довольно быстро. Не готовые к такому обороту событий сунские войска практически не оказывали сопротивления. В столице далеко не сразу оценили масштаб вторжения, и реакция на него была запоздалой. Конечными целями вьетнамцев, по-видимо-

му, были Гуанчжоу и Гуйчжоу, на пути к которым оставалась лишь одно препятствие — крепость Юнчжоу, единственная из всех, оказавшая ожесточенное сопротивление. И, хотя посланные ей на помощь из Гуанчжоу войска Ли Тхыонг Киету удалось разгромить на перевале Куньлунь, осажденные продержались 40 дней до первой луны 1076 г. При этом взять крепость смогли, только послушав советы тех же пленных китайцев, предложивших подложить под стены мешки с песком, по которым и удалось на них подняться. Руководивший обороной губернатор Юнчжоу Су Цзянь, видя, что крепость не удержать, вместе с членами своей семьи покончил жизнь самоубийством. Оставшиеся защитники сражались до конца, поэтому было перебито все население города (58 тыс. человек).

На вьетнамцев глубокое впечатление произвело то, что, несмотря на голод, отсутствие нормальной питьевой воды, массовые болезни, практически никто из жителей города не пошел на предательство, т. е. достичь одной из главных целей — привлечь на свою сторону хотя бы часть местного населения, так и не удалось. С учетом этого, попытка закрепиться на захваченных территориях была обречена, и оставаться здесь, выполнив другую задачу (уничтожение инфраструктуры потенциального нападения на Дайвьет), не имело смысла. Сразу после успешного штурма, полностью опустошив контролируемые районы и угнав с собой всех китайцев, которых удалось захватить, армия Ли Тхыонг Киета быстро и организованно вернулась в Дайвьет, оставив нунгов самим решать свои проблемы с сунскими войсками.

Поход возмездия Сунов был неизбежен, но реализовывать его им пришлось уже в иных, крайне неблагоприятных условиях. Приграничье было разгромлено (всего погибло более 100 тыс. человек, причем в основном ханьцев). Рассчитывать на местные запасы продовольствия не приходилось. От прежнего плана захватить Вьетнам силами войск, в основном набранных на юге, пришлось отказаться, поскольку эти войска большей частью были уничтожены или разбежались. Не было возможности даже мобилизовать в должном количестве местных носильщиков, так как земли, по которым проходили китайские войска, были обращены в безжизненную пустыню. Вместо привычных к тяжелым

условиям вьетнамских гор солдат-южан, Ван Аньши был вынужден собрать армию для вторжения из подразделений, противостоявших тангутам из государства Сися на далеком севере. Их основу составляла конница, привычная к боевым действиям в степных условиях и совершенно не приспособленная к использованию в горах.

Несмотря на тщательнейшую подготовку к походу⁹, продовольствия и фуража, которые приходилось доставлять из северных и центральных провинций империи Сунов, охваченных неурожаем, постоянно не хватало. Флот, который мог бы быстро доставить войска к театру боевых действий, так и не успели построить (а то, что построили, вьетнамцы также уничтожили или забрали с собой). Пройти можно было только по суше, по землям нунгов и других горных народов, враждебно настроенных к китайцам. Дорог здесь не было, поэтому для транспортировки продовольствия и снаряжения нельзя было использовать повозки, но только носильщиков и вьючных животных. Кроме того, Суны постоянно ощущали очевидную угрозу со стороны тангутов, которые, узнав про отвлечение существенной части китайских войск для похода на юг, могли нанести неожиданный удар с севера, поставив империю в сложное положение. В связи с этим, на эту кампанию отводилось очень мало времени. Во главе китайских войск стояли два военачальника (Го Куй и Чжао Се), хорошо зарекомендовавшие себя в войнах на северных границах, однако не ладившие между собой. Все эти негативные факторы оказали непосредственное влияние на ход кампании 1076 г. С большим трудом прорвавшись через горы, потратив массу времени на «замирение» нунгов, Го Куй смог выйти непосредственно к линии обороны, построенной Ли Тхыонг Киетом на реке Фулыонг и даже нанести ему (по данным китайских источников) несколько локальных поражений. Но флота для форсирования реки не было, в непривычных к тропическим условиям войсках с севера начались массовые болезни, падеж лошадей и вьючных животных. В этих условиях Го Куй, понимая, что война в любом случае может затянуться надолго, счел за благо принять предложение вьетнамской стороны о перемирии, тем более, что оно было выдержано строго в соответствии с ри-

туалом, позволившим китайским историографам позднее говорить о полной и безоговорочной капитуляции Дайвьета.

Суны согласились с этим решением своего военачальника и даже не сильно наказали его за неудачный поход. В качестве возмездия за агрессию у Дайвьета было решено отторгнуть часть территории, в частности, земли нунгов — *тяу* Куангнгуен (его китайцы переименовали в Шуньчжоу, вьет. Тхуантяу) и прилегающие к нему еще три *тяу* и один уезд. Но организовать здесь свое управление китайцы так и не смогли, как из-за противодействия местного населения, так и из-за тяжелых климатических и иных условий, делавших пребывание здесь собственно ханьцев невыносимым.

С учетом изложенного, а также принимая во внимание то, что задача расширения границ Дайвьета на север после похода Ли Тхьонг Киета была, по-видимому, навсегда снята (сами китайские источники свидетельствуют, что после 1076 г. крупномасштабных провокаций на границе между двумя странами на протяжении всего правления императоров династии Поздние Ли не было), возврата своих территорий вьетнамцы решили добиваться уже без применения силы исключительно дипломатическими путями. В 1078 г. возобновились визиты вьетнамских послов и принесение дани. По просьбе послов Суны согласились рассмотреть вопрос о возвращении захваченных ранее земель, но только в обмен на всех пленных китайцев, угнанных в 1076 г. Такая договоренность была достигнута. Вьетнамская сторона выполнила ее чисто формально, выдав всего лишь 221 человека¹⁰, тем не менее, все ранее захваченные Сунами земли были в 1084 г. Дайвьету возвращены.

Решение об их возврате и об окончательном оформлении двусторонних отношений между Сунами и Дайвьетом было принято в ходе переговоров с посольством из Дайвьета во главе с первым победителем конфуцианского конкурса во Вьетнаме Ле Ван Тхинем. Этот эпизод во вьетнамских хрониках никак не выделен, тем более что посольство даже не доехало до сунской столицы, но вело переговоры непосредственно в приграничных районах. Однако именно тогда Ле Ван Тхинь от имени императора пообещал твердо придерживаться статуса удельного княже-

ства и выполнять все связанные с этим ритуалы. Обрадованные китайцы не только вернули все, что раньше оставили за собой, но и сделали некоторые дополнительные территориальные уступки, по-видимому, за счет тех земель, которые они все равно не контролировали. Проблемы видимого «обращения Дайвьета в империю», судя по всему, были оставлены за рамками этих переговоров: Суны решили их просто «не замечать», а Поздние Ли не слишком афишировать. В официальных переписке и ритуалах все осталось по-прежнему, и такая ситуация длилась долгие годы, в том числе и после падения династий в обеих странах.

Процесс окончательного урегулирования двусторонних отношений можно было считать законченным в 1087 г., когда император Ли Нян-тонг наконец-то получил от Сунов титул Намбинь-вьонга. Предпринятые в эти же годы попытки Дайвьета добиться контроля еще над двумя горными районами на этот раз встретили твердый отпор со стороны Сунов. Впрочем, на отношения между двумя государствами это сильно не повлияло. Ближе к концу правления этого императора, китайцы, отметив неуклонное исполнение им договоренностей, достигнутых ранее, даже согласились пойти на увеличение количества пунктов, открытых для приграничной торговли, что для экономики Дайвьета того времени было весьма полезным.

Важный эпизод в двусторонних отношениях с Сунами произошел в самом конце правления этого императора. В 1127 г., потерпев сокрушительное поражение от чжурчжэней из государства Цзинь, Суны утратили добрую половину своих территорий, включая столицу и исконные ханьские земли. Их армии были разбиты, и страна погрузилась в хаос. На смену династии Северная Сун пришла династия Южная Сун. При этом хаос в стране наступил еще до этого, в ходе многочисленных неудачных сражений, и не мог не сказаться на отношениях с традиционными вассалами. Направленному к Сунам в 1126 г. посольству Дайвьета удалось добраться лишь до Гуйчжоу, власти которого порекомендовали ему немедленно вернуться. В конце следующего лунного года Ли Нян-тонг умер, и встали вопросы: «Как, а главное, кого оповещать в Китае? Куда посылать послов? У кого просить инвеституру?». Власти Дайвьета вряд ли

располагали достаточной информацией, чтобы самостоятельно дать однозначные ответы на эти вопросы, и для начала, в 1128 г., отправили в пограничные области частное лицо, некоего «жителя Хоачая» с сообщением о трауре, а также с докладом о восшествии на престол.

Ответ пришел даже быстрее, чем можно было предположить. Не дожидаясь официального посольства из Дайвьета и соответствующих просьб, истерзанные Суны, наверняка опасавшиеся, что вьеты могут воспользоваться их слабостью и вторгнуться в пределы империи с юга, как это уже бывало при Ли Тхыонг Кieste, нового императора Ли Зыонг Хоана (Ли Тхан-тонг, прав. в 1128—1137 гг.) признали без всяких формальностей и немедленно присвоили ему точно такой же титул, какой первоначально был у его приемного отца (Зяотьи-*куанвыонг*). Очень похоже, что озадаченные вьетнамцы не сразу поверили сунским послам. Они должны были убедиться, что именно эти послы представляют законную династию, обладающую всей полнотой власти на оставшейся территории (в период хаоса, как правило, возникает несколько соперничающих группировок), и в 1130 г. отправили свое посольство, чтобы разобраться, с кем они имеют дело. По-видимому, результаты первой поездки послов не убедили Дайвьет в надежности новых сунских властей, и в отношениях между двумя странами наступила пауза. Только в конце 1132 г., когда к Сунам были направлены те же послы, им удалось убедить их в своей легитимности: через два месяца они вновь провозгласили Ли Тхан-тонга Зяотьи-*куанвыонгом*, и на этот раз титул был принят. По мнению переводчиков «Полного собрания исторических записок Дайвьета» на современный вьетнамский язык, появление в тексте хроники двух практически одинаковых сообщений о признании нового императора, датированных соответственно 1130 и 1132 гг., является чисто технической ошибкой при составлении источника¹¹. На наш взгляд, это не так. Данные события, скорее всего, действительно имели место и стали следствием вполне понятных и объяснимых сложностей в отношениях между двумя странами.

Смерть Ли Нян-тонга в 1128 г. и переход власти к его приемному сыну Ли Тхан-тонгу ознаменовали собой начало заката

династии Поздние Ли. Некоторые исследователи даже говорят о необходимости разделения эпохи правления этой династии на два этапа: Первые Поздние Ли и Вторые Поздние Ли (до и после 1128 г.)¹².

Впрочем, ослабление Поздних Ли не оказало негативного воздействия на их взаимосвязи с Сунами. Более того, последний этап правления этой династии можно считать самым «безоблачным» в двусторонних контактах. За исключением мелких неконтролируемых и в общем неизбежных инцидентов на границе между двумя странами, связанных в основном со сложными взаимоотношениями между различными горными племенами, проживающими по обе стороны границы, все выглядело просто идеально. Апофеозом благоприятного развития событий в этой сфере стало существенное повышение статуса вьетнамских территорий. В 1174 г. Суны признали их отдельным государством-данником под названием Аннам (*Аньнань го*), а их правителя — *куоквыонгом* (*гованом*), что по всем ритуалам намного превосходило статус удельного княжества и его правителя — *куанвыонга* (*цзюньвана*). И вьетнамские, и китайские источники свидетельствуют, что это произошло по инициативе Сунов и что вьетнамские послы, прибывшие в столицу Сунов в 1174 г., этим были несказанно удивлены, во что, впрочем, учитывая специфику двусторонних отношений, поверить непросто. В любом случае вплоть до второй половины XIX в. этот статус Дайвьета оставался «потолком» в связях между двумя странами.

В период правления династии Поздние Ли некоторые сложности с Сунами возникли только в самом конце: изгнанный из столицы Ли Хао Шам (Ли Хуэ-тонг, прав. в 1210—1224 гг.) был просто не в состоянии выполнять предписанный ритуал обмена посольствами и представления дани. Он даже не поблагодарил за полученные им от Сунов первичные титулы и должности. Впрочем, китайцы наверняка знали о сложном положении в стране, тем не менее, ничего конкретного предпринимать не стали. Они просто больше не давали последнему императору никаких новых титулов и должностей, а когда власть перешла к дому Чан, то восприняли это вполне спокойно, даже одобительно.

Примечания

¹ *Ta Chi Đại Trường*. Những bài dã sử Việt (*Та Ты Дай Чыонг*. Статьи по частной истории вьетов). Ханой, 2009. С. 187—235.

² Именно так, Намвьет, а не Дайковьет называли свои территории вьетнамцы в X в. (подробнее см.: *Поляков А.Б.* К вопросу о существовании государства Дайковьет во Вьетнаме в X—XI вв. // Три четверти века. Д.В.Деопику — друзья и ученики. Москва, 2007. С. 233—240; *Федорин А.Л.* Как назывался Вьетнам в X—XI вв.? // Вьетнамские исследования. Выпуск 1. Москва, 2011. С. 310—319).

³ Анализируя события X в., вьетнамский историк Та Ты Дай Чыонг пришел к выводу, что в этот период в обществе все еще очень сильно ощущались элементы матриархата, в частности, наследование по материнской линии. Об этом свидетельствуют и события при правлении дома Нго, когда именно жена Нго Куена из рода Зыонг привела к власти своего брата Зыонг Там Кха в ущерб интересам родных сыновей, и возвышение Динь Бо Линя, частично связанное с женитьбой на матери последнего представителя рода Нго — Нго Нят Кханя, и действия другой жены Динь Бо Линя (то же из рода Зыонг), в результате которых к власти пришел ее любовник, а не родной сын (*Ta Chi Đại Trường*... С. 151—156).

⁴ 脫脫。宋史 (*Токто*. История династии Сун). Электронная версия. Шанхай, [б.г.]. С. 3591 (в дальнейшем — Сун ши).

⁵ *Lê Tấn*. An-nam chí lược (*Ле Так*. Краткое описание Аннама). Хуэ, 1961. С. 123

⁶ Подробнее об этом см.: *Poliakov A.B.* Sur la date de la construction du Văn Miếu (Temple de la Littérature) et les débuts du confucianisme au Vietnam. // Etudes Vietnamiennes. Nouvelle Série. № 31 (101). Ханой, 1991. С. 27—36.

⁷ Сун Ши... С. 14069.

⁸ *Lê Tấn*... С. 124—125.

⁹ *Hoàng Xuân Hãn*. Lý Thường Kiệt. Lịch sử ngoại giao và tông giáo đời Lý (*Хоанг Суан Хан*. Ли Тхыонг Киет. Дипломатическая и религиозная история времен династии Ли). Ханой, 2010. С. 161—183.

¹⁰ Сун ши... С. 14069.

¹¹ *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Предисл. *Фан Хуи Ле*. Пер. и коммент. *Нго Дык Тхо* и *Хоанг Ван Лау*. Т. 1. Ханой, 1993. С. 304, примеч. 1.

¹² *Поляков А.Б.* Скрытая смена династий в Дайвьете в начале XII в. // Традиционный Вьетнам. Выпуск III. Москва, 2008. С. 61—65; *Деоник Д.В., Ульянов М.Ю.* Кризис 1127 г. и проблема перехода власти в средневековом Вьетнаме (Дайвьете) от Первых ко Вторым Поздним Ли. // Традиционный Вьетнам. Выпуск III. Москва, 2008. С.66—104; *Федорин А.Л.* Еще раз о проблеме династий Первые и Вторые Поздние Ли (1010—1225) // Губеровские чтения. Выпуск I. Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. Москва, 2009. С.83—99.